

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ОТРАЖЕНИЕ
"КАРТИНЫ МИРА"

смерти': Ты иди скорая в светлую светелочку, Нету в живности довольна бела светушка (Б., 147) – К себе призвала любимую семенюшку Во эту во столову нову горенку, Я левой рукой писемко подавала... (Б., 188); 'сакрализованное место смерти': Не спущу я дочь обидная Своего кормильца батюшка Со высокой новой горенки: Пусть-ко мой кормилец батюшко Как во горенке, на лавочке... (Б., 48) – В светлой светлице попы стоят духовные, Не молебники они тихо воспевают, Восприемного попы нонь поминают (Б., 169); 'метонимическая замена дома вообще': Во дому у нас великая невзгодушка, В светлой светлице великая кручинушка (Б., 168) – Все отступятся купцы твои приятели... Мимо пройдут они нову эту горенку (Б., 169). Ср., наконец, контекст, построенный на параллелизме конструкций, содержащий обе эти лексемы, используемые как абсолютные синонимы, поддерживающие и усиливающие общий эффект: Как во светлу собрались они светлицу – Во столовую во нову они горенку (Б., 40).

Как сакрализованное место покойного и почетное место в доме изофункционален им и красный угол, который, как и они, может метонимически подменять дом вообще: Наступай теперь великая невзгодушка Как у нас да во унылом во большом углу (Б., 20).

В части значений – 'сакрализованное место покойного, становящееся центром дома и поэтому подменяющее наименование дома вообще' – синонимичны им столы дубовые и белые лавочки.

Таким образом, в фольклорном тексте за счет сближения значений лексем, обычно семантически далеко стоящих друг от друга, возникает синонимия особого рода, захватывающая не только сферу отдельных слов, но и "элементарных образов" и, наконец, семантически уравнивающая ряды концептов.

Рассматриваемые тексты, являясь сравнительно нестарыми, консервируют в себе особенность поэтики архаических культурных традиций, чему могут быть приведены пространственные типологические параллели²¹.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Б. – Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872.
 Костр. пр. – *Смирнов Вас.* Народные похороны и причитания в Костромском крае. Кострома, 1920.
 Миклошич – *Миклошич Ф.* Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1895.
 Обр. поэзия Пин. – Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ... Под ред. Н.И. Савушкиной. М., 1980.
 Aleksynas. – *Aleksynas K.* Lietuvių liaudies dainų kalbinės stilistinės ypatybės. – *Literatūra ir kalba*. XI. Vilnius, 1971.
 J. – *Lietuviškos dainos. Užrašė A. Juška*. III. Казань, 1882.
 K. – *Prūsijos Lietuvių Dainos. Surinko... V. Kalvaitis. Tilžeje*, 1905.
 I.KŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*. I–. Vilnius, 1947–.
 LT – *Lietuvių tautosaka*, II. Vilnius, 1963.
 R. – *Lietuvių gaudos iš visur surinktos su d-ro J. Basanavičiaus prakalba*. Vilniuje, 1926.

Свойство естественного языка передавать в рамках категориально-грамматических отношений отношение к миру, его "видение" отмечалось в последние годы в ряде исследований по функциональной семантике¹, обратившей внимание не только на способность к адекватной передаче внеязыковых явлений, но и на возможности посредством языка убеждать, передавать свое отношение, выражать себя через язык. Эти языковые свойства связываются преимущественно с прагматическим подходом в лингвистическом анализе. В рамках прагматического подхода выявляются, при исследовании языковых фактов, два направления: изучаются средства собственно семантические, т.е. компоненты грамматики и лексики как показатель отношения к миру, и изучаются особенности контекстов, отличающихся разной прагматической направленностью. Уже подвергались детальному анализу категории вида и времени, лексические группы имен семантики², в данной же статье делается попытка обобщить коммуникативно-прагматические особенности прилагательных (П), "одной из наименее изученных и сложных для исследования частей речи"³. Коммуникативная специфика прилагательных состоит прежде всего в том, что "П совмещает в своей структуре семантический и прагматический аспекты языка, что отражается как в значении лексических единиц, относящихся к классу П, так и в их употреблении. Для П как класса слов характерно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций. Таким образом, в самой семантике П оказываются связанными собственно семантический и прагматический планы высказывания"⁴. Оказывается, что тип выбора прилагательного и строгость (точность) употребления прилагательных являются ведущим показателем различия языка упрощенного (restricted, commun) и интеллектуального (elaborated, formel) – двух кодов, существование и функционирование которых описано на английском материале Б. Бернштейном⁵.

Так, для упрощенного языка употребление прилагательных и наречий очень ограничено и набор их перечислим.

Сопоставление данных, полученных для прилагательных как класса, включающего прагматический аспект в свою лексико-категориальную сущность, позволяет обобщить их и сделать следующие выводы:

- 1) приписывая предметам окружающего мира те или иные объективно

¹ См., в особенности: – *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976; *Wierzbicka A.* Ethno-syntax and the philosophy of grammar. – *Studies in language*, 1979, N 3; *Idem.* *Lingua mentalis*. – Sydney–London–New York, 1980.

² См.: *Wierzbicka A.* Ethno-syntax...; *Николаева Т.М.* Категориально-грамматическая цельность высказывания и его прагматический аспект. – *Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка*, 1981, т. 40, № 1.

³ *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного. М., 1977, с. 7.

⁴ Там же, с. 8.

⁵ *Bernstein B.* Une théorie sociologique de l'apprentissage. – In: *Bernstein B.* *Langage et classes sociales*. Paris, 1975.

²¹ Более широко об особенностях первобытного мышления, которое "отождествляло все явления жизни и повторяло свои представления в поливариантных друг к другу формах", см.: *Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978.

присущие им свойства, человек демонстрирует свое безразличие к этим свойствам – посредством иерархии в приписывании этих признаков;

2) за выбором грамматических показателей адъектива стоит позитивная программа человека, его представление о нормативном статусе и позитивном сценарии событий;

3) человеку свойственно отличать признаки, относящиеся к предметам и лицам, как бы относительные, восходящие к человеку как субъекту, и признаки объективные, имманентные;

4) таким образом, благодаря приадективных конструкциям может происходить различие и выделение человека как объекта описания и человека как субъекта описания, т.е. его автора.

Основным приводящимся далее языковым материалом являются данные польского, русского и английского языков; необходимо еще раз подчеркнуть, что предметом изложения является не столько лексическая, сколько лексико-грамматическая и тексто-грамматическая специфика прилагательных.

1. Прилагательные и характеристики внешних объектов

Оказалось, что для пар кваликативных прилагательных со значением размера: длинный–короткий, широкий–узкий и т.д. одно является в исходных конструкциях предпочтительным, употребление же другого маркировано, ограничено. Например, говорится: *10 Wagen Lang (*kurz), 250 Meter breit (*schmal), 200 Meter hoch (*niedrig), 35 Jahre alt (*jung)*⁶.

Иначе говоря, несомненна определенная направленность человека в употреблении подобных слов. М. Бирвиш связывает такую модель употребления с "основными измерениями человеческого перцептивного аппарата". Более того, более внимательный анализ демонстрирует достаточно большую сложность в различении объектов и их признаков:

Der Wagen ist lang = Der Wagen ist hoch;

Die Strange ist lang = Die Strange ist hoch.

*Die Zigarette ist lang ≠ *Die Zigarette ist hoch;*

**Der Turm ist lang ≠ Der Turm ist hoch.*

Сходные наблюдения о структуре пространственных отношений, отраженной в человеческом сознании, были сделаны на материале английских прилагательных⁷. Выяснилось, что из двух антонимически связанных прилагательных размера одно, относящееся к большему размеру, является обобщенным, генерализованным, сфера же употребления другого более узка.

Так, ответ на вопрос – *How big is it?* может быть и *It is very big*, и *It is very small*. Но вопрос *How small it?* допускает только *It is very small* как ответ, но не **It is very big*.

Соответственно: *How long is it? – Very long, very short.*

но – *How short is it? – Very short; *Very long.*

Именно эти генерализованные прилагательные являются словообразова-

⁶ Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectives. – Foundations of language, 1967, v. 3, N 1.

⁷ Givón T. Notes on the semantic structures of English adjectives. – Language, 1970, v. 46, N 4.

тельной базой соответствующих обозначений размера, выраженных существительными: *length – long – short; thickness – thick – thin* (см. по-русски: *длина*, но не *коротчина*; *ширина*, но не *ужина* и т.п.).

В работе А.Н. Журина, посвященной русским прилагательным, пространственные прилагательные вполне определенно связываются с человеком как вертикально ориентированным существом⁸.

Так, *высокий* – это вовсе не любой длинный вертикальный, а самостоятельный и изолированный: так, водосточная труба – нет, сосулька – нет; более того, высоки те предметы, которые сами по себе таковы, а не имеют такую форму по воле человека: так, свеча – нет, бутылка – нет. Т.е. правильно воспринимаемые как высокие предметы имеют сходство с самим человеком. Свойство быть высоким оказывается, как замечает А.Н. Журицкий, очень важным – так, некоторые толстые люди, если бы были на голову выше, не считались бы толстыми, вернее, это свойство не выдвигалось бы на первый план. А.Н. Журицкий вводит понятие нормальной ориентации (НО) – это наиболее частое расположение ведущей пространственной характеристики предмета по отношению к говорящему. Возможная и мгновенная НО – расположение в момент речи. Мы говорим: *широкое здание*, если напротив него, и *длинное здание*, если проходим мимо. Наоборот, нестандартная ориентация отражает "переходы от поперечной к вертикальной ориентации", т.е. нечто, человеку несвойственное.

Таким образом, пользуясь прилагательными размера, человек характеризует предметы, соотносясь с самим собой как с эталоном пространственного описания; исходной грамматической и словообразовательной формой является прилагательное, обозначающее больший размер.

2. Прилагательные и представление о нормативном статусе мира

Анализ грамматических конструкций, связанных с прилагательными, и анализ их текстового употребления демонстрирует еще одну черту самовыражения через язык: оказывается, что, характеризуя то или иное явление через атрибуты, носители языка имеют представление о норме, более того, сценарий мировых событий должен быть позитивным, негативное и отклоняющееся от нормы маркируется.

Например, при ассоциативном анализе антонимических связей, в тех случаях, когда требовалось назвать антоним, позитивный член назывался "дружнее" чем негативный, называвшийся как бы неохотно и иногда заменяемый неожиданным по парности словом⁹.

Таким образом, частотность ассоциаций оказывается для антонимов необоюдной. Приведем данные Диза (цифры показывают число ответов; группа испытуемых количественно оставалась неизменной): *bad – good – 43; good – bad – 29; black – white – 39; white – black – 23; dirty – clean – 21; clean – dirty – 15.*

Эта склонность иметь последовательную установку на позитивную программу отмечена и в расположении однородных членов в привычных ан-

⁸ Журицкий А.Н. О семантической структуре пространственных прилагательных. – В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.

⁹ Decse J. The structure of associations in language and thought. – Baltimore, 1965.

глийских словосочетаниях, обследованных В. Купером и Дж. Россом¹⁰. Выяснилось, что порядок расположения этих компонентов неслучаен: недаром работа называется World Order, т.е. то, что стоит за Word Order; так, в первую очередь называется: ближайшее — *here and there, in and out, this and that, now and then...*

мужское — *man and woman*...¹¹

взрослое — *cat and kitten*...

позитивное — *plus or minus, all or none*...

одушевленное — *men and machines*...

активное — *speaker and hearer; cat and mouse*...

основательное — *land and sea; Army and Navy*...

источник энергии — *bow and arrow; gine and tonic*... и т.д.

Все эти качества — позитивные; собранные вместе, по мнению авторов, и характеризуют среднего киногероя: он — *Here, Now, Adult, Male, Positive*.

Возвращаясь к собственно прилагательным, можно также отметить, что выражаемое в тексте отношение к миру, выведенное из их текстового распределения, ориентируется на позитивную стабильность мира. Р. Харвег, анализируя дистрибуцию прилагательных в тексте, определил, что они делятся на два класса — в зависимости от того, могут или нет они появляться в абсолютной инициальных фразах. Так, прилагательные *gesund, heil, zufrieden, nüchtern, normal, da, klar* и т.п. не могут быть абсолютными начальными, они "прилагательные следования" — *Nachfolgeradjektive*, у них обязательно должны быть текстовые предшественники — *krank, kaputt, betrunken, weg, komisch*¹². Поэтому **Bei Müllers ist jemand gesund*; **Da hinten ist eine Frau nüchtern*. Но: *Bei Müllers ist jemand krank*; *Da hinten ist eine Frau betrunken*.

Прилагательные следования могут все же стать инициальными — через добавление *wieder*. Но это слово, добавленное к прилагательным следования, означает возвращение к исходной ситуации — *Karl снова здоров*: добавленное же к их антиподам, оно означает повторяемость событий: *Karl опять заболел*. За всем этим стоит, по мнению Р. Харвега, потребность в нормализации, когда нормальное есть позитивное, и это есть отражение мира в сознании человека: "Основанием этой нормализации, очевидно, является существование некоторого определенного мировоззрения, в рамках которого именно то состояние из двух возможных считается нормативным, когда оно обеспечивает позитивность"¹³.

Показателем состояния объектов внешнего мира с ориентацией на норму является и семантика форм сравнительной степени прилагательных¹⁴. Так, из фраз *Эллен безобразнее Мэри, Том хуже Боба, Джек пьянее Билла*, мы понимаем, что статус обоих актантов не позитивен: и Мэри нехороша собой, и Билл достаточно пьян. Но по фразам *Эллен красивее Мэри, Том лучше Боба, Джек умнее Билла* мы не можем сказать определенно, что

Мэри красива, Боб хорош, а Билл умен: очевидно разделение в языке и негативного, и нормативного.

Особое место в подобного рода исследованиях семантики форм прилагательного занимает анализ данных польского языка, предпринятый Ф. Кифером¹⁵. Существенным для способа выражения отношения к миру дает — для польского языка — возможность как аналитического, так и синтетического выражения форм сравнения: *Kazia jest wysza niż Julia, Kazia jest bardziej wysoka niż Elżbieta; Janina jest ładniejsza niż Elżbieta, Janina jest bardziej ładna niż Elżbieta*;

Различия обеих компаративных форм на первый взгляд кажутся стилистическими. Ф. Кифер вводит особый тест на их различие — тест отрицания. При этом выявляется расхождение форм компаративов: *Kazia jest wysza niż Julia, Kazia jest bardziej wysoka niż Julia*.

Таким образом, формы аналитические отличаются от синтетической тем, что в них непременно содержится "пресуппозиция наличия качества": таким образом, во фразе *Janina jest bardziej ładna niż Elżbieta* включается красота Янины, а во фразе *Janina jest ładniejsza niż Elżbieta* — нет. Однако, как замечает далее Ф. Кифер, не всегда эта пресуппозиция наличия качества входит во все аналитические формы — независимо от семантики прилагательного. Так, у прилагательных меры это различие незначимо¹⁶: *Herbata jest tańsza niż kawa, Herbata jest bardziej tanie niż kawa; Ten film jest dłuższy niż tamten, Ten film jest bardziej długi niż tamten; Ten film jest krótszy niż tamten, Ten film jest bardziej krótki niż tamten; Kawa jest droższa niż herbata, Kawa jest bardziej droga niż herbata*.

Это же относится и к оценочным прилагательным: *Dzisiaj pogoda jest brzydsza niż wczoraj, Dzisiaj pogoda jest bardziej brzydka niż wczoraj*.

Польский язык, таким образом, обладает языковыми средствами семантико-разрешающей силы, которыми не располагает, в частности, шведский, немецкий и др. Польский язык, как видно из приводимых Кифером материалов, обладает тонкой моделью сохранения—отсутствия пресуппозиции качества в компаративе. В частности, по этому критерию различаются некоторые антонимические пары: *suchy* сохраняет пресуппозицию аналитически и синтетически, но *mokry* может иметь ее в синтетической форме, не имея аналитической, напротив *krzywy* может быть сравниваемо лишь аналитически — в отличие от *prosty*. В целом же польский язык различает два типа антонимичности: отрицание по контрасту и отрицание по противоречию. Если отрицаемое, негативное, прилагательное, есть член противоречащей пары, то компаративные пресуппозиции имеют место всегда. Тогда, таким образом, достаточно синтетического компаратива. Если же отрицающее прилагательное входит в оппозицию контраста, то оно может не иметь пресуппозиции, и может быть сравниваемо как аналитически, так и синтетически. Оказывается далее, что по этому критерию различаются и прилагательные цвета: *zielony, brązowy* могут быть сравниваемы только аналитически, *biały, czarny, czerwony* имеют оба способа сравнения, так как их семантика многозначна.

Выше мы говорили о месте нормативного статуса в функциональной се-

¹⁰ Cooper W., Ross J., K. World order. — In: Functionalism. Chicago, 1975.

¹¹ Этот порядок не является, однако, универсальным: так, в аналогичных сочетаниях, например в картвельском, последовательность обратная.

¹² Harweg R. Nachfolgeradjektive. — Folia linguistica, 1969, t. III, N 3/4.

¹³ Там же, с. 342.

¹⁴ Tory Higgins E. Effects of presupposition on deductive reasoning. — Journal of verbal learning and verbal behavior, 1976, v. 15, N 4.

¹⁵ Kiefer F. Adjectives and presuppositions. — Theoretical linguistics, 1980, N 1.

¹⁶ Там же, с. 163.

мантике прилагательного. Возвращаясь к этому еще раз, это стремление отделить – через язык – норму от не (-) нормы можно увидеть и в этих же формах компаратива. Так, прилагательные с высшей степенью качества (т.е. не-норма!) уже содержат пресуппозицию наличия: *doskonaty, swietny, wybitny, wspanialy*. Ср. в русском: *Анна блистательнее Марии; Петр талантливее Павла*. Таким образом, грамматические и текстовые формы прилагательных выявляют присущее человеку устремление понимать норму – в ее отличие от не-нормы, ненормативным является и просто непозитивное и экстрапозитивное.

3. Прилагательные и субъективно-объективные свойства

Как уже говорилось выше, человеку свойственно не только выражать объективные свойства, опираясь на свой перцептивный аппарат, не только стабилизировать мир, проецируя на него свои представления о норме, но и отличать те свойства объектов, которые являются их имманентными характеристиками, объективными, и свойства заведомо приписываемые, исходящие от субъекта.

Различению последних посвящена диссертация И.А. Елисейевой¹⁷. В работе анализируется функциональная семантика словосочетаний с прилагательным-управляющим словом: *добрый с детьми, известный среди художников, нужный для шитья, робкий с женщинами* и т.д. Во всех этих конструкциях присутствует значение ограничения, относительности признака. Оказывается, что та группа прилагательных, которая включает слова, приписывающие характеристики, а не объективные свойства, гораздо более разветвлена и входит во множество словосочетаний. Таким образом, человек как бы заранее предопределяет некоторую замкнутую локальность, или социальную ограниченность даваемых характеристик: *интересный – кому?, добрый – к кому?, покорный – кому? выгодный – для кого?* и т.д. Поэтому типичнейшей формой имени в подобных словосочетаниях является дательный субъекта. Напротив, во второй группе, в прилагательных, определяющих объективные свойства объектов, семантика имен связана не с лицами, т.е. с социальными, а в основном, с объективными же ограничениями – *бледный от усталости, смуглый от загара, золотой в солнечных лучах* и т.д. Однако в этой последней группе более отчетливо прoustупает пресуппозиция относительности этого, хотя и объективного, признака: вообще, видимо, не бледный, не смуглый, не золотого цвета и т.д. Точно так же *робкий с женщинами* предполагает, что не всегда робкий и т.д. Итак, выявляется еще одна особенность семантики прилагательных: социально приписываемые – в отличие от имманентных – даются как бы с большой осторожностью, с оговоркой.

Выше, в начале, отправным пунктом исследования явились прилагательные меры. Как оказалось, эти прилагательные, не абсолютно коммуникативно безразличны, а имеют личностно-социальную ориентацию. Как выяснилось далее, прилагательные меры можно условно разделить на три группы: всегда относительные: *chief, actual, tall* и т.д., абсолютные: *four-legged,*

aged, объединяющие оба свойства: *definite, clever, present*¹⁸. Эта особенность прилагательных меры связана с их свойством быть как предикативами, так и атрибутивными. В этом плане они соотносятся уже с как будто противоположной по семантике группой – группой социально направленной оценки лица. Обратимся к полю прилагательных этой группы, попытавшись описать ее внутреннюю структуру.

4. Прилагательные оценки лица

Оказывается, что приписываемые прилагательные со значением оценки лица вообще обладают диффузностью значения и стремятся как бы соединяться в семантически размытые пучки. Как отмечает и Е.М. Вольф: "семантические связи П в синтагматике могут быть направлены на другие П – и в этом случае два П часто оказываются в грамматически (синтаксически) параллельных структурах". Нами собран материал по употреблению трех таких пучков: *тихий–скромный; волевой–энергичный; пустой–легкомысленный*.

Приведем примеры по первому из этих пучков (примеры взяты из материалов Словарной картотеки Словарного сектора ЛО Института языкознания АН СССР): *Человек богатый, но самый простой, и меня за тихое и скромное поведение очень полюбивший* (А. Болотов); *Профессор Бек есть тихой, скромный человек, осторожный в своих суждениях* (Н. Карамзин); *Так я уж веки здесь: тих, скромн завсегда* (И. Крылов); *Пред ней являлся наяву исполнение всех ее идеалов – прекрасный мужчина, скромный, тихий, добрый* (В. Одоевский); *Но он жил тихо и скромно, никого не приглашая к себе* (Н. Полевой); *Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком* (А. Пушкин); *Эта красота тихая, скромная, далекая от всяких притязаний на какую бы то ни было торжественность* (Н. Лесков); *Вообще в классе было сравнительно тихо и скромно* (Н. Помяловский); *Скоро страх титулярной советницы совершенно рассеялся: молодой человек оказался скромн и тих, даже больше, чем следовало* (А. Писемский); – *Дуня? – Скромная да тихая, воды не замутит* (Д. Мамин-Сибиряк); *А про Бурдовского и говорить было нечего: человек тихий и скромный* (Ф. Достоевский); *И, снявши шубу, пошел своей скромной, тихой и легкой походкой прикладываться к местным образам* (Л. Толстой); *В одной из квартир жил закройщик лучшего портного в городе, тихий, скромный, нерусский человек* (М. Горький); *Тихая, скромная речка огласилась фырканьем, плеском и криком* (А. Чехов); *Важное влияние на образование моего характера оказала тихая, скромная жизнь в доме отцовском* (С. Соловьев).

Все эти пары-связки совсем не синонимичных прилагательных. Человек скромный по существу своему может и не быть тихим, внешне тихий может быть честолюбцем и жестоким деспотом, энергичный вполне способен оказаться безвольным, а волевой – сдержанным, мало тратящим энергию. Однако, как видно по примерам, эти пучки встречаются у многих писателей. Пожалуй, судя по собранным материалам, желание разрушить клиши-

¹⁷ Елисейева И.А. Семантические и синтаксические свойства классов имен прилагательных. Автореф. канд. дисс. М., 1981.

¹⁸ Siegel M. E. Measure adjectives in Montague Grammar. – In: Linguistics Philosophy, and Montague grammar. Univ. of Texas Press, Austin, 1979.

рующуюся последовательность можно обнаружить в явной форме лишь у И.С. Тургенева: Вся моя скромная развязность и таинственность исчезли мгновенно (Первая любовь); Настасья Карповна клала земные поклоны и вставала с каким-то скромным и мягким шумом (Дворянское гнездо); Он замечательно умный человек, хотя, в сущность, пустой (Рудин); Рядом с нею сидела сморщенная и желтая женщина лет сорока пяти, декольте, в черном токе, с беззубою улыбкой на напряженно озабоченном и пустом лице (Дворянское гнездо).

Синтаксическая структура приведенных примеров свидетельствует о том, что названные пучки употребляются в основном в функции предиката или легко могут быть трансформированы в сочетания в этом значении. "Прилагательные, как известно, принадлежат к предикатным словам. Это основное свойство – их предикатный характер – определяет и их значение, и их употребление.

Так, в частности, классические предикаты сочетают в себе два аспекта – обозначение собственно признака и обозначение оценки, с этим связана их способность выступать в двух структурах – денотативной и квалификативной, которые обычно реализуются вместе, в пределах одного высказывания"¹⁹.

На глубокое коммуникативное различие идентификации и предикации неоднократно указывалось Н.Д. Арутюновой, отмечавшей стремление идентификации к точности и предикации к размытости, подчеркивавшей "простую и в то же время основополагающую идею о функциональном (коммуникативном) различии субъекта и предиката, об отношении первого из них к миру, а второго к мышлению о мире"²⁰. В самом деле, и коммуникативные усилия при этом затрачиваются различные: так, в любой "средней" беседе огромное значение придается точности идентификации объекта, хотя бы объект назывался только для примера и был в сущности безразличен. Иными словами, коммуникативная значимость предиката бывает затемнена и аннулирована идентификацией субъекта. Нечто подобное можно заметить и при восприятии научных сообщений, когда в дискуссии обсуждается скорее "тема", а не "рема" сообщаемого. Характерны при этом и ассоциативные добавки к теме, часто не имеющие отношения к основной теме (мысли) сообщения и никак на нее не влияющие. Более того, о психическом здоровье человека судят по тому, "узнает" ли он, чем по тому, насколько разумные вещи он сообщает об известных объектах.

Особое положение прилагательных, отмеченное выше, диктует их объединение в диффузный семантический пучок в связи, как представляется, с двумя обстоятельствами.

Первое из них мы предлагаем назвать стремлением к характеристике одним признаком.

Если еще раз вернуться к делению признаков на оценивающие, приписываемые и имманентные, то для вторых в упоминавшейся работе А.Н. Журинского устанавливается наличие главных размеров в человеческом восприятии. Это длина, высота и глубина. При этом мы стремимся назвать

предметы по одному главному размеру, не сообщая при этом об остальных его характеристиках, хотя бы они были очевидны для восприятия: "Когда мы называем длинным забор, мы никак не учитываем у него высоты". Со всей очевидностью здесь напрашивается аналогия с оценочными характеристиками человека. При коммуникативной характеристике за отдельным лицом обычно закрепляется одна какая-то черта, которая и сообщается. Таким образом, обилие оценок, предоставляемое лексическим богатством прилагательных, в коммуникативном плане сводится к небольшому числу базовых штампов. "Базовая система специфицирующихся дескрипций – это нотация того типа, когда объекты характеризуются некоторыми базовыми атрибутами. Сами эти атрибуты, в целях эффективности дескрипций, являются одномерными и некоррелируемыми, как и все базовые прилагательные в языке".

Возникновение семантических пучков связано таким образом с тенденцией к уменьшению возможных характеристик.

Второе обстоятельство, препятствующее дифференцированному употреблению оценочных прилагательных и способствующее их объединению в пучок, связано с формой и сущностью у приписываемого качества, с отдельностью формы и сущности. А именно: такие качества, как быть волевым, скромным, пустым должны как-то проявляться. Иногда установка на подчеркивание формы проявления положительно оцениваемых качеств может даже приводить к их ликвидации. Например, широко известно поведение на конференциях, собраниях людей, входящих с опозданием и демонстрирующих "деликатное" поведение: всячески показывая всем, чтобы о них не беспокоились, они в конце концов устраиваются подчеркнута неудобно или стоят. Понимают ли носители подобных социальных ролей, что быстро пройти в первый ряд и там сесть, было бы гораздо более деликатно "по существу"? Вероятно, да, но в данном случае побеждает столь характерная для социокоммуникативных отношений боязнь, хотя бы в случае легких изменений внешних форм, получить другую социальную роль.

Если с этой точки зрения рассмотреть названные выше пучки прилагательных, то окажется, что из объединяемых в пары прилагательных одно является более "внешним", другое более "внутренним". Так, внешние – это тихий, энергичный, легкомысленный. Таким образом, можно, устанавливая или имитируя более легко воспринимаемое внешнее свойство, вызвать квалификацию данного объекта и вторым словом. Это открывает возможности и для манипулирования социальными ролями. См. у Б. Бернштейна, согласно которому "ограниченное употребление прилагательных свойственно общему языку, возникающему там, где идет нивелировка индивидов, т.е. распределение социальных ролей"²¹. Именно сходную мысль о склеивании двух прилагательных при оценке, когда один образ может быть представлен на размерной шкале, а второй распыляет, мы находим в статье Д.И. Шапиро²², когда оценка "красивая женская нога" представляется как стройная нога + длинная нога.

²¹ Bernstein B. op. cit, p. 31.

²² Шапиро Д.И. Об использовании "распылчатых образов" как средства изучения неосознаваемой психической деятельности. – В кн.: Бессознательное: Природа. Функции. Методы исследования, т. III. Тбилиси, 1978.

¹⁹ Вольф Е.М. Указ. соч. с. 6.

²⁰ Арутюнова Н.Д. Синтаксические функции прилагательных. – Изв. АН СССР, Сер. лит-ры и языка. Т. 37, № 6.

Резюмируя сказанное, можно обобщить.

1. Характеризуя через прилагательные внешние объекты, человек описывается при этом на особенности своего перцептивного аппарата.

2. При характеристике существенным является и представление о мире: установка на позитивную норму, отклонения от которой маркируются.

3. Человек различает характеристики имманентные, присущие объектам, и приписываемые им субъектом.

4. Прилагательные, оценивающие лица, часто объединяются в контексте, в синтагматике, в диффузные семантические пучки, поскольку они наиболее отчетливо демонстрируют скрытую предикацию.

5. При этом наблюдается тенденция к квалификации объекта одной характеристикой.

6. В объединении и предпочтении одной из характеристик значительную роль играет отношение форма—сущность, выбирается в качестве основной характеристика по форме.

М.А. ОСИПОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ДИСТРИБУТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Под дистрибутивными мы понимаем глаголы, обозначающие единое расчлененное действие, последовательно охватывающее множество объектов (Об) или совершаемое множеством субъектов (Суб). Это глаголы типа польск. *podadresować* 'написать адрес на многих письмах, документах и т.д.' (*SJP* VI)¹, словц. *pohluchnúť* 'постепенно оглохнуть (о многих индивидуумах)' (*SSJ* III)², чеш. *zrozvírat* 'постепенно открыть много чего-либо' (*SSJC* IV)³, ср. русск. *перезенить* 'женить многих или всех'.

Дистрибутивные глаголы в польском, словацком и чешском языках регулярно образуются посредством присоединения префикса *po-*. Менее регулярный характер имеют словацкие и чешские дистрибутивы с приставкой *s-/z-* и чешские с приставкой *poz-*. Как правило, дистрибутивная приставка присоединяется к переходным и непереходным глаголам несовершенного вида (НСВ) (нерегулярно — к глаголам совершенного вида (СВ) и имеет двоякую функцию: лексическую и грамматическую. Производный дистрибутивный глагол отличается от мотивирующего наличием семантического компонента Д (дистрибутивное значение), а также значением СВ, например, польск. *gnić* 'гнить' — *pognić* 'сгнить (о многих)', *nadgniwać* 'подгнивать' — *ponadgniwać* 'подгнивать (о многих)'. Мотивирующие глаголы обладают значением предельности и могут образовывать видовые пары с глаголом СВ. Следовательно, из круга мотивирующих должны быть исключены различные группы глаголов НСВ со значением непре-

дельности как неспособные входить в видовую пару (модальные глаголы, глаголы отношения типа *сходствовать*, *преобладать* и под., глаголы обладания и принадлежности, прерывисто-смягчительные, длительно-дистрибутивные и т.д.), а также глаголы Perfectiva tantum, семантика которых препятствует образованию форм НСВ (например, одноактные и делимитативные глаголы). Таким образом, дистрибутивы регулярно образуются лишь от глаголов, потенциально могущих выступать в обоих видах. В тех случаях, когда глагол НСВ отсутствует по структурным причинам, дистрибутив может образовываться от глагола СВ. В большинстве случаев мотивирующими являются первичные бесприставочные глаголы НСВ (польск. *gnić* — *pognić*), имперфективы, образованные от первичных бесприставочных глаголов СВ (польск. *dać* 'дать' — *dawać* 'давать' — *podawać* 'дать много Об', последний глагол следует отличать от омонимичного глагола НСВ со значением 'подавать'), и вторичные имперфективы, образованные от приставочных глаголов СВ (польск. *nadgniwać* 'подгнивать' — *ponadgniwać* 'подгнивать (о многих)').

Наиболее характерный случай мотивационных отношений, возникающих при образовании дистрибутивов, может быть описан как "совершать действие" — "совершить действие + Д", "направлять действие на Об" — "направить действие на Об + Д". Выявление семантических и семантико-словообразовательных глагольных типов, составляющих базу для образования дистрибутивов в соответствии с указанной формулой, может составить предмет специального исследования. Нашей задачей является установление и анализ случаев нарушения типичных семантических отношений мотивации при образовании дистрибутивов в современных литературных западнославянских языках. Нас будут интересовать такие способы образования дистрибутивов, при которых производный дистрибутивный глагол отличается от мотивирующего глагола не только наличием семантического компонента Д и грамматической характеристикой СВ, но и другими лексико-семантическими составляющими. В этом случае мотивирующая часть значения дистрибутива (часть, остающаяся за вычетом Д) не соответствует лексическому значению мотивирующего глагола. При этом могут происходить различные семантические процессы: "зачеркивание" части значения мотивирующего глагола, появление дополнительного семантического компонента (ДСК) в мотивирующей части производного глагола и т.п. Таким образом, мы попытаемся показать, что и в сфере глагольного словообразования, уже — при образовании приставочных глаголов, исследователь сталкивается с таким явлением, как фразеологичность семантики производного слова⁴.

Источниками материала для нашего исследования послужили указанные выше словари современных литературных языков — польского, словацкого и чешского.

1. Прежде всего рассмотрим случай частичного перекрещивания семантики производящего и производного глаголов. Это явление наблюдается в том случае, если мотивирующий глагол уже содержит элемент значения

¹ Здесь и далее *SJP* = *Słownik języka polskiego*, t. I—XI. Warszawa, 1958—1969.

² Здесь и далее *SSJ* = *Slovník slovenského jazyka*, d. I—VI. Bratislava, 1959—1968.

³ Здесь и далее *SSJC* = *Slovník spisovného jazyka českého*, d. I—IV. Praha, 1960—1971; *PSJC* = *Průruční slovník jazyka českého*, d. I—VIII. Praha, 1935—1957.

⁴ Дистрибутивы, как и многие другие приставочные глаголы, представляют собой образования модификационного типа, у которых наличие фразеологичности словообразовательной семантики часто отрицается, ср.: *Ермакова О.П.* Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. — Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка, 1981, № 2, с. 160.